

От автора

Весной 1955 года в девятилетнем возрасте вместе с отцом я пробыл три месяца на Корсике. Утром я отправлялся в пекарню за вкусным горячим хлебом и встречался с пожилым человеком, который рядом с пекарней сидел на ступеньках старинного дома. Это был Петро, русский донской казак, бежавший из России после гражданской войны. В начале двадцатых годов на Корсике оказалось немало белогвардейцев — солдат и офицеров, в основном бежавших с юга. Кое-кто затем уехал на материк в — Ниццу или Париж, а некоторые остались на острове на всю остальную жизнь. Иногда я останавливался, чтобы поговорить с Петром, и он на ломаном русском языке, смешанным с французским и корсиканским мне рассказывал о своей былой жизни в России. Ему было за шестьдесят, и тогда он мне казался совсем старым. Эти встречи глубоко засели в моей памяти — я ведь тоже, живя в России, был своеобразным «эмигрантом» от среды моего детства и одинок. Вот

я и вёл дневник во время своих поездок по России, а потом стал писать рассказы. Так, в 1966 году, будучи ещё студентом МГУ, я написал рассказ о «своем» старом казаке и его истории. И теперь, пользуясь периодом самоизоляции, я вернулся мыслями в прошлое.

СТАРЫЙ КАЗАК

*Корсике, милосердно приютившей
в 20-х годах XX века русских беженцев,
потерявших Родину, посвящается.*

— Я — казак... Да, да, я казак, — недоверчиво озираясь, повторил он полушёпотом. — Да! Я был казаком...

Мартовским утром, солнце щедро одаривало тёплыми лучами небольшое село Ота. На ступеньках старого особняка, принадлежащего корсиканской знати, ведущей свой род со времён национального героя Сампьеро Корсо, сидел пожилой человек. Вдали, в расщелине между горами, у основания которых с грохотом по каскадам бурно текла река Порто, виднелся ярко-синий треугольник моря. В небе не было ни единого облачка, и воздух наполнял душистый запах дикорастущих кустарников, по местному — маки².

Обхватив колени руками, он глядел в ту сторону, где открывалось море. На плечи был накинут уже порядком истёртый вельветовый пиджак, а на голове — изношенная временем кепка. Для Петро́ день был знаменательный, так как ему исполнялось шестьдесят пять лет, и воспоминания из давнего прошлого нахлынули на него. Он не гнал их прочь, а, напротив, им радовался, с волнением перебирая былое в своей угасающей памяти.

Море... Чёрное море, — как всё это было несказанно далеко...

В суматохе, под палящим солнцем, среди рвущихся снарядов каждый думал о себе, о том, как взобраться любыми путями на транспортный французский пароход и поскорее спастись от неминуемой гибели. Казак, донской казак, он теперь бежал, проклиная судьбу и тех, кто обманул его, в то время как нагруженный беженцами, военными и гражданскими, корабль удалялся от берегов Крыма. С тех пор море легло непреодолимой преградой, разделившей его жизнь на две части, которых уже никогда, никогда не воссоединить — как радость и печаль, как жизнь и смерть.

² Маки́ — с ударением на последнем слоге — дикорастущий кустарник.

Теперь он уже не помнил, когда и как очутился на острове Корсика и почему именно в этой деревне, приютившейся на склоне теснины Ла Спелунка под навесом гигантских скал,— так давно это случилось. Помнил, однако, что тогда он был молод и крепок и что страстно ему хотелось жить новой жизнью: радостной, светлой, насыщенной, настоящей, не причиняя боль ни людям, ни себе, чтобы навсегда позабыть прошедшее, полное крови, мести и злобы, и искупить, таким образом, вину за своё участие в событиях, приведших его страну к безумству и к неисправимой катастрофе, а его самого — к тяжёлому бремени эмиграции. Он жаждал труда и любви.

И что же?.. Он стал пастухом.

Ранней весной, когда персики и яблони покрывались розовыми бабочками цветов и сочнозелёная трава колыхалась на склонах предгорий, со своим стадом овец и коз он уходил по горным тропам на летние пастбища, оставляя за собой сказочно выветренные краснокаменные ущелья, таинственные дубовые леса и светлые рощицы, где стоял сильный запах эвкалиптов. Там, в одиночестве он сторожил свою отару и время от времени переходил из одной горной долины в другую.

О да, труд он обрёл, и сознание своей полезности очень помогало ему — он даже гордился этим, но семейного счастья, покоя и радости не достиг: всю жизнь один, он в себе носил крест изгнанника, потерявшего своё отечество и нового не нашедшего. А разве можно такое обрести? И в самом деле, кем же он был для этих молчаливых, гордых и суровых жителей, если не чужестранцем, утратившим то, что испокон веков для них было свято — Родину. И ничем, кроме как своим сочувствием, помочь они ему не могли, хотя уважали за добросовестность в работе и за сдержанность — качества, которыми сами обладали сызмальства.

Месяцы проходили. Среди тёплых и ясных дней наступали порой холодные и серые, когда ветер дул так, что кусты буквально ложились на землю, трава бурно колыхалась, и рваные, порывистые тёмно-лиловые облака неожиданным выстрелом вылетали из-за гор, и всю долину обволакивали молочной пеленой.

В такие дни ему казалось, что ветер вот-вот сорвёт его и каким-то чудом понесёт обратно к потерянному берегу. Он закрывал глаза, забывая об отаре, об острове, о своей нынешней жизни, о себе самом — всё устремлялось в бесконечную даль прошлого, и тогда явственно из тумана вырастал знакомый, с излучиной у самого хутора, высокий правый берег Донца, на краю которого, бесконечной вереницей, повторяя течение реки, тянулись свечеобразные

тополя, звонко шелестевшие серебристо-зелёными листьями. И он, Петро, широко расставив ноги, глядел, глядел и не мог наглядеться на плавное, величественное течение светлой и удивительно прозрачной воды, всматриваясь в её бездонную глубину до тех пор, пока всё перед его внутренним взором не расплывалось и в глазах не начинало рябить. В этот миг он ощущал, он знал, что весь смысл его жизни тогда заключался в этом извечном течении. Не в силах сопротивляться, толкаемый неведомой силой, очертя голову, он уже сбегал с обрывистого склона и, перекрестившись трижды, не переводя дыхания, восторженно смеясь, всем телом и душой с плеском кидался в воду... В этом заключалось извечно возвращающееся к нему видение, его краткая радость и его песня... Но ветер стихал, облака расступались: пастух лежал в густой траве, и тогда кристаллы радости обращались в слёзы горести и отчаяния, бороздившие его лицо. Ему было всего тридцать пять, и он всё повторял одно имя — Россия...

В высокогорной центральной части острова с высоты перевала Бавелла в ясные дни сразу после восхода солнца в голубой дымке вычерчивались, будто сказочно поднявшиеся из морской пучины, далёкие вершины Аппенин. Завороженный этим видением казак глядел на них и на сверкающее золотом море. В тот час ему мерещилось, будто некто легонько берёт его на свои руки, поднимает, и он, взмывая навстречу синеве, перелетает через горную преграду; мысли-грёзы всё дальше увлекали его на восток, и вот уже виднеются плоские, бескрайные, с редкими тополями, обагрённые солнцем степи, над которыми величественно парят свободные и смелые его собратья — степные ястребы и орлы. Ах! ему бы их крылья, чтобы хоть птицей на миг возвратиться домой, прощальным полётом ещё раз облететь родные места и обессиленным удариться грудью о землю...

Он был молод и силён, ему очень хотелось жить по-новому, но так он смог бы, лишь навсегда забыв о прошлом, а прошлое нельзя было зачеркнуть! В полной тишине он глядел, как с приходом нового дня таяли контуры горных хребтов Италии и вместе с ними — и его мечта...

И чем же были для него воскресные представления, которые он давал на радость и удивление корсиканцев, если не воспоминанием о былой вольной, богатырской жизни? На деревенской площади, куда вся деревня высыпала поглядеть на него, с гиканием он скакал по кругу, по-казацки спрыгивая с коня и вскакивая вновь на ходу. И в бешеной скачке, приводя в восхищение горцев, целясь ружьём

из-под брюха животного, оживший казак Петро стрелял, срезая метким дерзким выстрелом горлышко бутылки корсиканского вина.

И видел он тогда, как их натянутые лица прояснялись, и слышал, как чужие детишки кричали в восторге и били в ладоши, и радость разливалась в его груди, радость за ловкость, за унаследованную от предков удалую силу свою, за смелость и мужество своего народа. Затем все мужчины собирались в единственном кафе напротив церкви, пили красное вино, чокались с ним и, отвечая на бесконечные вопросы, он рассказывал о минувших битвах...

Вечерний звон — дин-дон, дин-дон — нёсся с колокольни, и Петро невольно приходили на память русские звоны и перезвоны над рекой — отдалённые, безыскусно нежные и милые сердцу. Он видел плетень, окаймляющий хутор, весёлые Анютины глаза и первый её целомудренный поцелуй, когда луна, чтобы влюблённым не помешать, скрылась... Всё, всё это было; а потом и страшное: горящие дома их хутора, и слёзы горькие над дымящимся очагом, и мёртвые Анютины глазки, в недоумении остановившиеся на небесах; казачий эскадрон и сабли наголо!..

Но об этом своим односельчанам он никогда не рассказывал, и, когда его мысли касались этих воспоминаний, он молча вставал из-за стола и уходил прочь. Чуткие люди, понимая, не задерживали его. Он спускался к реке и долго-долго стоял там внизу на старинном каменном гонуэзском мосту, не отводя глаз от стремительного потока, который гулким зовом манил его...

Но годы шли, и молодость, и силы стали покидать его. Теперь он редко вспоминал о прошлом, но от этого ему не становилось легче; он просто по привычке работал и жил, меньше думал о своём сокровенном, а больше о том, как прокормить себя, и о разных делах, с которыми сталкиваются одинокие пожилые люди. Когда же к нему приходили картины из прошлого, он их принимал так, как встречают добрых старых знакомых.

И вот наступил час, когда ему стало совсем невмоготу ходить в пастухах, и он вынужден был покинуть стадо. На его счастье одна добрая одинокая дама из местных, которая ещё ребёнком видела его скачущим на буйном жеребце и в него была тогда немного скрытно влюблена, войдя в его положение, предложила ему стать у неё садовником. Сад при просторном доме был небольшой — в нём росли лишь один куст алых роз, несколько пионов, астры и ирисы, и Петро потому не требовалось особого труда, чтобы содержать в порядке всё это цветочное хозяйство, и теперь, его можно было увидеть частенко сидящим в тени на своём любимом месте.

Так, охваченный воспоминаниями, он просидел весь этот мартовский день. И под вечер, когда стали наступать сумерки, и воробьи, готовясь ко сну, уже перестали с весёлым щебетанием перелетать с крыши на крышу, на дальнем горизонте, там где море сливалось с ночью, Петро увидел медленно надвигающееся на него огромное заснеженное пространство, высокий берег, стянутую льдом широкую реку и хутор с зажжёнными в окнах огнями — его Россию! Там в совершенном безмолвии крупными хлопьями валил снег, и за подвижной пеленой один за другим в окнах угасали огни. Когда потух последний, старый казак тихо ушёл из жизни...

Никто это сразу не заметил. Только когда совсем стемнело, его обнаружили сидящим на ступеньках дома, который милосердно принял его в старости: подбородок покоился на ладонях, раскрытых лепестками лилии, а локти, плотно прижатые друг к другу, прямо стояли на его коленях, как стойка канделябра с потухшею свечой. Глаза были широко открыты. На лице замерла улыбка: он вернулся домой.

Москва. Апрель 1966.

Мураццано. Июнь 2020.

От Редакции: Рассказ «Старый Казак» рекомендован Ренэ Герра к публикации в журнале «На русских просторах».

Из прессы: 23 декабря в Псковском музее-заповеднике в здании бывшей художественно-промышленной школы им. Н. Ф. Фан-дер-Флита состоялось открытие выставки пейзажных пастелей итальянского художника Петра Чахотина. Как передаёт корреспондент Псковского агентства информации, этой предновогодней экспозицией, состоящей из сорока работ, Псковский музей завершает 2011 год, объявленный Министерством культуры Российской Федерации официальным годом русской культуры и языка в Италии, а также итальянской культуры и языка в России.

Открывая экспозицию, заведующий художественным отделом Псковского музея-заповедника Юлий Селивёрстов назвал её "обаятельной и замечательной". Своё мнение от увиденного высказал и критик Валентин Курбатов. "То, что прельщает в работах Петра Сергеевича, — это неисчерпаемый свет Воскресения", — отметил литературный деятель и назвал созерцание картин П. Чахотина — "укреплением души, красоты и света".

<https://informpskov.ru/news/86942.html>